

«СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ»

В. С. ВИНОГРАДОВ

А т а я

Общественности Киргизии хорошо знакомо имя крупнейшего советского музыковеда, лауреата премии им. Токтогула Виктора Сергеевича Виноградова. Вот уже более тридцати лет занимаюсь изучением киргизской музыкальной культуры, он первым из исследователей привел в стройную систему отрывочные сведения о старинных ладах киргизской музыки, о формах и жанрах произведений, об истории возникновения инструментов и особенностях исполнительской манеры народных музыкантов. Им записаны и расшифрованы многие киргизские песни и наигрыши. Весь этот огромный труд систематизирован и запечатлен В. С. Виноградовым в многочисленных книгах, многие из которыхнискали широкую популярность у нас в стране и за рубежом.

В Киргизию Виктор Сергеевич впервые приехал в 1933 году. Здесь он познакомился с замечательными музыкантами Мураталы Куренкеевым, Карамолдо Орозовым, Атаем Огонбаевым, Мусой Батовым, Шаршеном Термечиковым и многими другими. Встречи с ними, многочисленные записи устного творчества этих выдающихся мастеров послужили богатейшим материалом для книги воспоминаний, над которой работает сейчас ученый. С некоторыми главами этой книги, думается, небезынтересно будет познакомиться читателям «Советской Киргизии».

Первый очерк, предлагаемый вниманию читателей, посвящен творчеству Атая Огонбаева. В. С. Виноградов хорошо знал его, часто слушал его выступления, бывал с ним в районах республики и сохранил о нем самые теплые воспоминания.

Ученику и земляку великого Токтогула Коргоолу Досневу посвящен второй очерк. Коргоол был разносторонне одаренным музыкантом. Он знал множество песен и куу, унаследованных от своего учителя. И об этом увлекательно рассказывает автор.

По моему глубокому убеждению, новая книга В. С. Виноградова станет не только настольной книгой каждого музыканта Киргизии, но и привлечет внимание всех тех, кто интересуется историей киргизского народа, его самобытной культурой.

Б. АЛАГУШЕВ.

1938 год. Впервые отправляюсь в братские республики Советского Востока. Начальный путь — Киргизия. Долгий путь: почти пять суток в дороге. Не отвожу глаз от окна вагона.

Монотонно стучат колеса. Нагоняют сон. В полудремоте мысли бегут вразнобой. Воображение уносит на века и тысячелетия в прошлое, когда на этих просторах совершались великие передвижения народов, возникли и рушились могущественные царства, звучала, развивалась древняя музыка Востока. Какая она была?

Айртаский фриз начала нашей эры. На нем изображены пять музыкантов. Какое замысел эодего? Ансамблем играли они или поодиночке? Если эта и другие архитектурные и скульптурные археологические находки свидетельствуют о проникновении сюда греко-буддийских влияний, можно ли их проследить и в музыке? Но по Средней Азии как мощные волны прокатывались разнообразные людские массы: греки, персы, арабы, тюрки, монголы и др. Остались ли они свой след в ней? И никакой связи с Европой, кроме редких дипломатических, торговых миссий, экспедиций паломников и путешественников-одиночек. С Россией контакты давние и более прочные. Но не с киргизами. Отрезанные горами Тянь-Шаня, они впервые встретились с русскими всего около ста лет тому назад.

Теперь иное время. Возник нерушимый союз братских республик, получивших беспрецедентный стимул развития. Древние традиции вошли в соприкосновение с новыми веяниями современности. И в музыке совершаются неодолимые глубинные процессы. Какие? В чем они выражаются?

Огромная, многоликая, самобытная культура. Сколько в ней для меня неведомого,

неразгаданного, необычного! Как мало изучена ее музыка. Успенский, Затаевич лишь только немного приподняли скрывающую ее до сих пор завесу. Может быть, я необдуманно поступаю: не будучи хорошо подготовленным, еду сейчас в Киргизию. Но желание хотя бы элементарно соприкоснуться с этим для меня новым, манящим миром одерживает верх над сомнениями.

Фрунзе. Радостная встреча с друзьями — композиторами В. Власовым и В. Ферре. Они здесь старожилы — работают в Киргизии уже два года. С места в карьер принимают меня уговаривать: «Ты обязательно должен написать книгу о киргизской музыке. Это так интересно! Тебе будет предоставлена полная возможность ознакомиться с ней. Уже сегодня специально для тебя организуется прослушивание ее в филармонии». Они приводят множество доводов, убеждают, доказывают, апеллируют к чувству и разуму.

«Это исключено, — твердо я настойчиво. — У меня другие творческие планы. Я не подготовлен, не знаю этой музыки. Она, по-видимому, настолько своеобразна, что к ней еще надо привыкать. И вообще со Средней Азией я встречаюсь впервые. Здесь столько для меня нового, неожиданного. Принять ваше предложение было бы с моей стороны опрометчиво. Не могу!» Друзья огорчены. Я удовлетворен: проявил разумную твердость.

Идем в филармонию тихими, зелеными улочками, по которым степенно разгуливают куры. Петухи устраивают крикливые айтышы. Соседки возле домиков на скамейках обсуждают очередные сугубо локального значения сенсации. В центре города выделяются несколько больших красивых зданий новой постройки. В Дубовом парке старый театр, в нем идет

только что созданные музыкальные спектакли.

Маленький пыльный дворик, заблокированный деревянными сарайчиками и клетушками. Пять ступенек лесенки, и мы попадаем в небольшой полутемный, условно говоря, зал. Здесь находится недавно открытая филармония. Она пока ютится в наспех переоборудованном помещении мечети. Самодельная, тускло освещенная сцена напомнила мне импровизированные подмостки в клубах первых лет революции. Администрация не жалуется на слабую посещаемость концертов. Приезжают даже волхонники из окрестных сел послушать прославленных мастеров народной музыки. Но сегодняшняя аудитория состоит лишь из 10—15 специалистов-музыкантов.

Плавню покачиваясь, как моряк, на сцену выходит с комузом в руках молодой киргиз. Он одет аккуратно, даже щеголевато, в праздничном национальном костюме. Темный бархатный бешмет типа поддевки, у талии стяннут широким поясом, инкрустированным серебряными узорами. Красивая круглая шапка с дорогой меховой опушкой и бархатным верхом. Складно подогнанные сапоги.

— Это Атай Огонбаев, — наш лучший ырчы, — шепчет мне кто-то на ухо. На вид он выглядит значительно моложе своего возраста (тогда ему было 35 лет). Гладко выбритое, свежее лицо. Маленькие, тщательно побритые усики. Чуть овальная, с монгольскими акцентами физиономия. Черные миндалевидные глаза. Такие же черные, далеко выгнутые брови. Открытый приветливый взгляд. Таким выглядел Атай тогда, таким видел я его на протяжении 15 лет, вплоть до кончины в 1952 году. Он удивительно сохранился внешне. Неизменным остался и его характер.

Атай сел на стул, положил ногу на ногу, немного склонился над комузом и заиграл.

Первые же звуки инструмента меня насторожили, а вскоре вызвали смещение чувств. Что я слышу? Это или случайность или каприз моего восприятия. Такая киргизская музыка никак не соответствует моим представлениям о ее необычности. Где же в ней экзотика? Где Восток? Смятение, сомнения нарастали по мере того, как Атай исполнял одну песню за другой. В голове воскресли образы, догадки, заполнявшие мой досуг в пути. И я не мог примирить их с музыкой, раздававшейся со сцены. Она ставила под вопрос и мои общие взгляды на культуру народов Средней Азии.

Как? Неужели? Не может быть! — продолжал я недоуменно восклицать и вопрошать себя в уме, а любуясь из уст певца прекрасные мелодии все больше овладевали мной, проникали в тайники души. Я, взрослый, в

глухом русском селе, можно сказать, с молоком матери впитавший родные русские напевы, безмерно любящий их, — вдруг здесь, в Тянь-Шане, от киргизского певца слышу песни, немедленно и живо вызвавшие близкие мне русские музыкальные ассоциации. Это представлялось невероятным.

Атай исполнял широкий распевчатый лирический обон, который по многим признакам — художественному образу, структуре, ладу, даже отдельным переходам голоса — напоминал мне мелодии протяжных песен типа «Ой, да ты калинушка». Она произвела во мне, в моем отношении к этой музыке внезапный и решительный перелом. Я воспринимал музыку увлеченно, самозабвенно, упоиваясь красотой, душевным теплом широких, вольно льющихся мелодий, которые пробуждали во мне поток ответных чувств. Я проникался любовью к киргизской музыке. Мне не хотелось с ней расставаться.

Так случилось, что даже специфические национальные черты, отличающие ее от музыкальных европейских культур, в том числе и русской, на которой был воспитан мой слух, не производили на меня впечатление чуждого далекого, экзотического. Они воспринимались в общем контексте как органические, выразительнейшие элементы, сообщающие образу оригинальную, неповторимую свежесть. Искусство Атая может быть, тогда и пленило меня потому, что оно было самобытно, но в нем, вопреки моим ожиданиям, известной предвзятости, обнаружилось вдруг родные мне звуки.

И вот теперь, много лет спустя, когда я ставлю перед собой вопрос (или его задают мне товарищи), что заставило меня посвятить долгие годы жизни киргизской музыке, то тотчас же передо мной возникает образ Атая и слышится «Кюйдюм чок», а за ним и другие лирические шедевры этого неповторимого ырчы. Он и его искусство сыграли решающую роль в моей музыковедческой судьбе, пробудили интерес к киргизской музыке, а от нее уже к музыке всей Средней Азии и Востока вообще.

Атай оставил прекрасные образы песенной лирики — о любви, о дружбе, о верности чувств: «Кюйдюм чок», «Эсимде», «Ой бул, бул», «Айсу» и др. Выросшие из народной традиции (культивирующиеся главным образом в пастушеской среде), впитавшие аромат токтогульской песенности («Альмакан»), они сами оказали влияние на народную и профессиональную музыку. Все ырчы молодого поколения не прошли мимо Атая. Мелодия «Кюйдюм чок» срослась с центральным образом первой национальной оперы «Айчурек». Вторая симфония А. Тулеева вдохновлена и наполнена темами этого певца.

Песни Атая записаны нотами, распеваются молодежью, воплощены в сочинениях композиторов. Но они не дают полного представления об их авторе. Атая надо слышать, видеть, знать для того, чтобы составить такое представление. Он обладал особой творческой индивидуальностью, будучи очень цельной натурой, колоритной во всех ее проявлениях.

(Продолжение следует).

Московские композиторы слушают игру Атая Огонбаева. Слева — В. С. Виноградов.